

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

«Чайка», ком. А. П. Чехова.

Герой пьесы Константинъ Гавриловичъ Треплевъ, сынъ актрисы Аркадиной. Онъ — человекъ не лишенный таланта (искусствъ) и ищетъ въ искусствѣ новыя формы. Это человекъ нервный, или сказать нервный: — человекъ съ издерганными, истерзанными нервами, лишенный твердой, спокойной нѣры, то что бы то ни было, тѣмъ мѣнѣе въ себя самого. Такой человекъ не можетъ не быть глубоко несчастенъ. Неустроенность въ себѣ и происходящее отсюда болѣзненное самолюбие отражаютъ его литературную дѣятельность, заставляя его мучиться съ перваго появленія на сценѣ до послѣдняго ухода. Тоже болѣзненное настроеніе сказывается и въ отношеніи его къ любимой дѣвушкѣ Нанѣ Зарѣчной, которая не можетъ отвѣчать ему тѣмъ же чувствомъ. И съ ней, и съ матерью онъ страшно неровенъ; ему ничего не стоитъ оскорбить дорогого человека непосредственно послѣ той минуты, какъ онъ проявилъ къ нему, поведенію, нѣжнѣйшее чувство. — «Декадентъ», бросаетъ ему мать въ лицо послѣ такой сцены и это слово на ея устахъ злѣе всякаго ругательства и больнѣе жалитъ, потому что граничитъ съ истиной. Такихъ людей, какъ Константинъ Треплевъ не любятъ, развѣ жалуютъ только; тѣмъ глубже ихъ несчастіе. Константинъ вончаетъ самоубійствомъ, вмѣстѣ съ его жизнью кончается и пьеса, наполняя душу зрителя тяжелой и горькой жалостью. Треплевъ нѣдѣ не исключеніе; онъ типъ. И не носимъ ли мы всѣ въ себѣ хотя немного, хоть нѣсколько грая, этого бѣдняка, съ его разбитыми нервами и неуверенностью въ себѣ?

Другая центральная фигура, Нана, хуже удалась автору. Недостаточное рельефомъ обрисованъ ея характеръ. Она любитъ драматическое искусство и, рѣшившись на разрывъ съ семьей, поступаетъ на сцену. Въ ея жизни также нрѣзывается тяжелая драма. Нана любитъ талантливаго балетриста Тригорина, человека лишенаго воли, который видитъ въ людяхъ не субъектовъ, а лишь объекты, пригодныхъ для своего творчества, и не прочь подчасъ поговорить сланиомъ много о собственной персонѣ. Нану привлекаетъ главнымъ образомъ обаяніе таланта; личность Тригорина не можетъ ее удовлетворить, ея

связь съ нимъ нарушается, она такъ выбивается на свою широкую и любимую дорогу... Но весь этотъ эпизодъ не можетъ не отозваться на всемъ складѣ ея духовной личности. Жила чайка на озерѣ, пришелъ человекъ и такъ себѣ, только ради развлечения убилъ ее. Вотъ параллель, съ собственной жизнью, на которую наводитъ ее убитая Треплевыхъ птица. И она сама въ положеніи той же чайки и не плавать ей больше въ воздухѣ, бласнѣжной и трепещущей, какъ прежде.

Вокругъ этихъ двухъ лицъ группируется нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ, то вполне дорисованныхъ, то лишь слегка, но нѣтъ набросанныхъ. Разговоры вѣрно переданы и даютъ настроеніе, будучи весьма характерными для тѣхъ обстоятельствъ мѣста и образа дѣйствія, при которыхъ происходятъ. Подчасъ цѣлый характеръ передается однимъ словомъ. Всѣ положенія жизненныя.

Несмотря на это, публикѣ, какъ намется, пьеса не понравилась. Нѣкоторые находила, что она недостаточно «сценачна». Мы не будемъ ходить здѣсь въ разсмотрѣніе по существу вопроса, что такое сценачность. Пожалуй, даже, пьеса А. П. Чехова обличаетъ въ его талантѣ преобладаніе эстетическаго элемента надъ драматическимъ. Пожалуй! Но есть пьесы «несценичныя», которыя во сто разъ ближе и дороже нашему сердцу, чѣмъ полныя эффектами и дѣйствіями мелодрамы. Дороже и «Чайка».

Слышались въ публикѣ и суженія о неестественности и исключительности выведенныхъ типовъ. Съ этимъ согласиться нельзя, ибо нельзя отказывать дѣйствующимъ лицамъ не только въ жизненности (этого еще мало!), но и въ типичности. Одна изъ провинціальныхъ газетъ припомнала по этому поводу пословицу о зеркалѣ, на которое не надо поглядывать по случаю привзвыи собственной физиономіи. Вѣрно, господа! Не надо пенять.

Обращаясь затѣмъ къ исполненію, слѣдуетъ — замѣтить прежде всего, что артисты честно поработали надъ пьесой и хорошо продуцили ее. Оттого прошла она и съ ансамблемъ, и съ чувствомъ нѣры.

Г. Агаревъ на этотъ разъ былъ очень недуренъ въ роли «декадента». Треплевъ, обна-

Волжский вестник
1896. 12 декабря. № 277.

С.З.

рушая достаточно нервно в переходах настроений.

Г-жа Велларий должна быть признана хорошей Ниной; в последнем действии она произвела сильное впечатление.

Г-жа Свободача Барышева верно и довольно оживленно провела роль Аркадиной. Г-жа Голубева выдержанно и художественно создала характер Миши, дочери управляющего, любящей Константина. Роль эта не легка, так как не имеет выигрышных моментов, а действует общим безысходным настроением, которым проникнута от начала до конца. Артистка тактично избегала шаржа во внешних подробностях (пыхает табаком и пьет водку) и, несмотря на „сильняков“ настроение публики, сумела из-за внешних комических черт показать безпробитно удушечную душу. Тем более подобает ей похвала. Г-жа Шебуева недурна была в весьма шаблонной роли жены управляющего.

Г-ну Истия, как то не хватало внутреннего оживления для роли балетриста Тригорина; он не сделал из нее все, что позволяет пьеса. Но и он был недурен. Г. Чернышев был хорош в роли старика Сорина, дяди героя, больного и неудовлетворенного; в те моменты, где он говорил о своей старой, лишенной любви и живого счастья жизни, о том, что и он многого хотел, он был заманчив и искренен. Хорошее впечатление производил г. Надвин в роли врача философа Дерна и г. Яновлев в роли чудака управляющего, страстного хозяина и любителя вспомнить старину. Г. Несмелов был и по внешности и по игре очень типичен в роли забытого судьбою учителя Медвѣденко, очень доброго и простого человека, немного пристрастного к „субстанным“ и другим мудреным словам и вечно обезпокоенный своим по истинке безответственным положением и дороговизною всякого рода припасов. И г. Несмелов согрел свою роль, не выдвигая ее комических черт в ущерб внутреннему содержанию. Надо заметить, что фигура учителя

одна из весьма жизненных и душевных в комедии.

Такова пьеса Чехова. Мы были бы искренно счастливы, если бы все высказанное на этой быстрой заметке не пропало, как пустой звук, а отозвалось бы где нибудь, вызвав в немногих хотя бы из читателей этих страниц соответствующее настроение. А то, — как говорить на пьесе Тригорин, — не знаешь публики. И вается тебе, что „все брюшны к тебе враждебны, а все блондины холодно равнодушны“.

В. С.